

А. О. ДЁМИН

ДЕРЖАВИН — ПЕРЕВОДЧИК «ФЕДРЫ» Ж. РАСИНА

Драматические переводы Державина известны и изучены еще меньше, чем его оригинальные произведения для сцены. Переводы трагедий П. Л. Б. де Беллуа и Ж. Расина, а также оперных либретто П. Метастазियो, сделанные поэтом, не владевшим французским и итальянским языками, по подстрочникам, не были даже опубликованы в полном объеме.¹ Несомненно, однако, что выбор текстов, способы передачи оригинала средствами родного языка могли бы служить важными источниками информации для характеристики поэтического мастерства позднего Державина, его вкусов и предпочтений, эволюции его художественных и политических взглядов, для полного представления о его творчестве, наконец. Перевод трагедии «Федра» Ж. Расина был бы в данном отношении особенно показателен. Если, по мнению А. С. Пушкина, читая стихи Державина, «кажется, читаешь дурной вольный перевод с какого-то чудесного подлинника»,² то применительно к «Федре» указание на «чудесный подлинник» оказывается вполне конкретным.

Окончание полного перевода трагедии Державин датировал 27 августа (8 сентября) 1809 г. Известно, что подстрочный перевод пьесы был подготовлен для поэта его племянницей Е. Н. Львовой. Имеются также сведения об исполнении «Федры» на домашнем театре Державина (роль Ипполита играл некто Соколов).³ В 1811 г. в журнале «Чтения в Беседе любителей русского слова» был опубли-

---

¹ Отрывки из них см.: *Державин Г. Р. Сочинения / С объяснительными примечаниями Я. К. Грота*: В 9 т. СПб., 1864—1883. Т. 4. С. 767—769, 789—802.

² См.: *Пушкин А. С. Полн. собр. соч.*: В 16 т. Л., 1937—1949. Т. 13. Переписка 1815—1827. С. 182.

³ См.: *Державин Г. Р. Сочинения*. Т. 4. С. 767 (примечание); а также: РО ИРЛИ. Ф. 96. Оп. 1. № 33 (запись Грота на обложке).

кован фрагмент перевода (рассказ Терамена о гибели Ипполита).⁴ Впоследствии этот отрывок неоднократно переиздавался.⁵

Современники отзывались о державинском переводе «Федры» столь же неблагоприятно, как и о его оригинальных драматических произведениях. А. И. Тургенев писал брату Николаю из Петербурга 20 декабря 1809 г.: «Всего больше у нас теперь новых трагедий, и оригинальных, и переводных. Но все или посредственны, или дурны. „Федры“ три перевода. Державина — самый худший».⁶ Д. И. Хвостов, оценивая перевод «Федры», подаренный ему В. Г. Анастасевичем отмечает: «Сей перевод очень слаб и в одном качестве с переводом Державина».⁷ В ноябре 1809 г. приглашенный Державным Н. И. Гнедич читал в его доме трагедию, а затем с возмущением писал К. Н. Батюшкову о недостатках перевода и о восхищенных отзывах присутствовавших.⁸ С. Т. Аксаков, читавший Державину в 1815 г. его перевод «Федры» в числе других произведений, сожалел о том, что он может быть когда-нибудь опубликован, «между тем, как не следует печатать ни одной строчки».⁹ Известно, однако, и иное упоминание державинского перевода «Федры», отмечающее значимость факта обращения русского поэта к подобной работе. М. Е. Лобанов, выпуская в 1823 г. свой перевод этой трагедии Расина, писал в предисловии к нему: «Переводами

---

⁴ См.: Чтения в Беседе любителей русского слова. 1811. Кн. 3. С. 130—131. Подробный разбор этого фрагмента и его отношений с оригинальным творчеством Державина см.: *Дёмин А. О. Перевод рассказа Терамена и оригинальное творчество Г. Р. Державина // XVIII век. СПб., 2008. Сб. 25. С. 158—174.*

⁵ См.: Сочинения Державина. СПб.: Изд. Д. П. Штукина, 1845. С. 379; *Державин Г. Р. Сочинения. Т. 4. С. 767—769; Федра, трагедия в пяти действиях, в стихах Ж. Расина (1677) / Перевод в стихах размером подлинника Л. Поливанова с приложением этюда Патена... М., 1895. С. 149—150; Расин Ж. Трагедии. Л., 1977. С. 369—370 (Сер. «Литературные памятники»); Колесо Фортуны: Из европейской поэзии XVII в. М., 1989. С. 475—477.*

⁶ См.: Архив братьев Тургеневых. СПб., 1911. Вып. 2. С. 406. В письме от 2 ноября 1809 г. А. И. Тургенев сообщал: «Державин написал „Ирода и Мариамну“, перевел с нем. Расинову „Федру“, все скверно и пр., и пр.» (Там же. С. 402).

⁷ См.: *Хвостов Д. И. Записки о словесности // Литературный архив: Материалы по истории литературы и общественного движения. М.; Л., 1938. Т. 1. С. 366.*

⁸ См.: *Гнедич Н. И. Письма к К. Н. Батюшкову / Публ. М. Г. Альтшуллера // Ежегодник Рукописного отдела Пушкинского Дома. 1972. Л., 1974. С. 85—86. Об этом эпизоде см. также: Альтшуллер М. Г. Беседа любителей русского слова: У истоков русского славянофильства. Изд. 2-е, доп. М., 2007. С. 97—101. Любопытный документ, дополняющий наши знания об этом случае, — рукопись перевода рассказа Терамена руки Гнедича, хранящаяся в архиве Державина: РО РНБ. Ф. 247. Т. 34. Л. 141—143.*

⁹ *Аксаков С. Т. Знакомство с Державиным // Аксаков С. Т. Собр. соч.: В 3 т. М., 1986. Т. 2. Воспоминания. Литературные и театральные воспоминания. С. 296.*

„Федры“ занимались великие гении: в Германии Шиллер, в России Державин».¹⁰

Вне зависимости от той или иной оценки обращение Державина к переводу «Федры» симптоматично для широкого и интенсивного освоения русской словесностью сочинений французского драматурга в начале XIX в. Как показал Г. А. Гуковский, литературная и театральная Россия в веке XVIII мало интересовалась творчеством Расина: переводы его трагедий немногочисленны и некачественны, подражания ему редки, похвалы формальны.¹¹ Ситуация резко меняется в начале XIX в. Выходят в свет новые переводы «Есфири» и «Гофолии».¹² Д. И. Хвостов то и дело переиздает свой перевод «Андромахи»,¹³ а П. А. Катенин начинает писать оригинальную трагедию на этот сюжет.¹⁴ М. Е. Лобанов выпускает перевод «Ифигении в Авлиде»,¹⁵ пришедший на смену анонимному вольному переложению, опубликованному в 1796 г.¹⁶ В. Н. Олин переводит «Баязета» и сообщает о том, что Катенин выполняет аналогичную работу.¹⁷ В журналах публикуются отрывки из переводов драматических сочинений Расина и критическая полемика по их поводу. Трагедии Расина занимают прочное место в репертуаре русского театра. История литературного и театрального восприятия творчества Расина в России еще ждет своего исследователя, который продолжил бы работу, начатую Гуковским. Особенно богатый материал по этой теме относится к первой трети XIX в., и прежде всего необходим полный учет печатных и рукописных переводов, журнальных публикаций,

---

¹⁰ См.: От переводчика // Федра, трагедия Расина в пяти действиях / Пер. М. Лобанова. [СПб.,] 1823. С. II.

¹¹ См.: Racine en Russie au XVIII siècle: la critique et les traducteurs, par Grégoire Gukovskij // Revue des études slaves. 1927. Fasc. 1—2. P. 75—93; Racine en Russie au XVIII siècle: les imitateurs, par Grégoire Gukovskij // Revue des études slaves. 1927. Fasc. 3—4. P. 241—260.

¹² См.: Есфирь, трагедия из священного писания, соч. Расина / Пер. с франц. в стихах Павел Катенин. СПб., 1816; Афаля, или Гофорля, трагедия из Священного писания в пяти действиях, соч. г. Расина, переложенная в российский стихи в 1814 г. // Тучков С. А. Сочинения и переводы. СПб., 1816. Ч. 3. С. 130—254; Афаля, трагедия из Священного писания, соч. Расина / Пер. с франц. в стихах. М., 1820.

¹³ За первым изданием перевода «Андромахи» (СПб., 1791) последовали переиздания 1794, 1811, 1815 и 1821 гг.

¹⁴ См.: Андромаха, трагедия в пяти действиях в стихах, соч. Катенина. СПб., 1827. О творческой истории трагедии см. в посвящении П. П. Скуратову (с. II—III).

¹⁵ Ифигения в Авлиде, трагедия в пяти действиях в стихах, соч. Расина / Пер. с франц. М. Лобанова. СПб., 1815.

¹⁶ Ифигения, трагедия в пяти действиях / На российские стихи свободно переложенная с г. Расина. М., 1796.

¹⁷ См.: От переводчика // Баязет, трагедия в пяти действиях соч. Расина / Пер. с франц. В. Н. Олин. СПб., 1827. [С. 13].

а также современных свидетельств о тех или иных фактах, связанных с восприятием творчества Расина в России.¹⁸

В начале XIX в. переводчики Расина в России чаще всего обращаются к его «Федре». Если на протяжении всего XVIII столетия «Федра» не была переведена целиком ни разу, то в 1823 г. в отзыве на дебют Е. С. Семеновой в роли Федры О. М. Сомов отмечает, что сделанный специально для великой русской актрисы перевод М. Е. Лобанова — «это уже одиннадцатый полный перевод на русском языке, и из сих одиннадцати „Федр“ почти половина была напечатана».¹⁹ В предисловии к своему переводу этой трагедии Г. А. Окулов называет его двенадцатым.²⁰ Историк русской рецепции Расина должен будет решить вопрос об этих «одиннадцати „Федрах“». В настоящее время мы располагаем сведениями о следующих переводах «Федры» Расина до 1823 г. До перевода Лобанова были опубликованы переводы В. Г. Анастасевича (СПб., 1805), С. А. Тучкова (СПб., 1816; выполнен в 1814)²¹ и анонимный перевод, выпущенный в 1821 г. Имеются сведения об оставшихся в рукописи переводах Державина (1809), А. М. Пушкина (1809)²² и А. И. Писарева (1822).²³ В «Московских ведомостях» за 1808 и 1811 гг. встречаются объявления о продаже изданий: «Федра, трагедия в пяти действиях соч. Расина, перев. стихами. СПб., в Акад. Наук. 1802» и «Федра, трагедия в пяти действиях, соч. Расина. СПб., в Типографии Имп. Акад. Н. 1803».²⁴ Можно предположить, что речь здесь идет об одном и том

---

¹⁸ Ценные, хотя не исчерпывающие, материалы по этой теме собраны в картотеке переводов произведений мировой художественной литературы, составленной под руководством А. Д. Умикян, хранящейся и пополняемой в Российской национальной библиотеке (Петербург), в картотеке И. И. Бахтина (РО ИРЛИ) и в книге: Сводный каталог сериальных изданий России (1801—1825). СПб., 1997, 2000, 2006. Т. 1—3 (именные указатели, «Расин»). См. также: *Дейч А.* Расин и русская культура // *Иностранная литература*. 1940. № 1. С. 152—156; *Финкельштейн И. Л.* Творчество Жана Расина в оценке передовой русской критики первой половины XIX в. // Учен. зап. Горьковского пед. ин-та. Каф. иностр. яз. 1955. Вып. 1. С. 140—158. Следует отметить, что две монографии (*Мультикультура В. М. Расин в России*. СПб., 2000. 277 с.; *Расин в русской культуре: Пути освоения духовных ценностей иностранной культуры: Соотношения национальных форм нравственно-эстетических представлений и средств художественной выразительности*. СПб., 2003. 255 с.) еще оставляют исследователям широкое поле деятельности в этом направлении.

¹⁹ См.: *Сын Отечества*. 1823. Ч. 89. № 46. С. 250.

²⁰ См.: Вместо предисловия // *Федра, трагедия в пяти действиях, в стихах соч. Расина / Пер. Г. Окуловым*. СПб., 1824. [С. 3].

²¹ См.: *Сочинения и переводы С. А. Тучкова*. СПб., 1816. Ч. 3. С. 1—114.

²² См. о нем: *Вяземский П. А.* Полн. собр. соч.: В 12 т. СПб., 1878—1896. Т. 8. С. 176.

²³ См.: *Вестник Европы*. 1822. Ч. 122. № 3. С. 180—183. Опубликован рассказ Терамена. В редакционном примечании указано, что это отрывок из перевода «Федры» Расина, почти доконченного.

²⁴ См.: *Московские Ведомости*. 1808. № 44; 1811. № 4, 6.

же издании, которое, однако, пока невозможно выявить по каталогам Российской национальной библиотеки, Библиотеки Академии наук и Российской государственной библиотеки. Таким образом, в настоящее время известно о семи переводах «Федры», выполненных до 1823 г., в то время как по свидетельствам современников их было одиннадцать. Установление точного числа переводов, их разыскание и анализ являются необходимыми при изучении истории восприятия творчества Расина в России.

Столь высокая степень переводной множественности²⁵ (а «Федра» и в дальнейшем оставалась наиболее часто переводимой на русский язык трагедией Расина),²⁶ конечно, нуждается в объяснении. Гуковский связывает этот резко возросший интерес с литературной борьбой 1810—1820-х гг., в которой пьесы Расина фигурируют в качестве воплощения классической трагедии в ее наиболее чистом виде.²⁷ Как отмечает Н. А. Сигал, «творчество французского драматурга оказалось наиболее благодарным материалом для практического претворения тех оживленных дискуссий по вопросам поэтического языка и стиля, которые велись в преддверии пушкинской эпохи».²⁸

Повышенный интерес именно к «Федре» можно объяснить и тем, что эта трагедия справедливо считалась лучшим произведением Расина, а главная роль в ней требовала высшего мастерства от трагической актрисы, взявшей за ее исполнение. Огромное впечатление на русскую публику произвело исполнение роли Федры выдающейся французской актрисой «девицей Жорж» (Маргаритой Веймер, 1787—1867), гастролировавшей в Петербурге и в Москве в 1808—1812 гг.²⁹ Роль Федры была ее визитной карточкой. В этой роли она дебютировала 13 июля 1808 г. в Петербурге, затем 4 ноября 1809 г. в Москве. В этой роли вышла в последний раз на петербургскую сцену 12 ноября 1812 г.³⁰ Разбору именно этой роли посвящено большинство русских рецензий на игру Жорж, и в том числе — первая из трех знаменитых статей В. А. Жуковского, признанных образцом

---

²⁵ О переводной множественности см. работы Ю. Д. Левина, введшего это понятие: К вопросу о переводной множественности // Классическое наследие и современность. Л., 1981. С. 365—372; Проблема переводной множественности // Литература и перевод. Проблемы теории. М., 1992. С. 213—226.

²⁶ Сводку изданий полных переводов см.: *Расин Ж. Трагедии*. Л., 1977. С. 429.

²⁷ См.: *Racine en Russie...* P. 93.

²⁸ См.: *Сигал Н. А.* Из истории русских переводов «Федры» Расина // Русско-европейские литературные связи: Сб. статей к 70-летию со дня рождения академика М. П. Алексеева. М.; Л., 1966. С. 454.

²⁹ Сведения о гастрольях Жорж в России обобщены в книге: *Всеволодский (Гернгросс) В. Н.* Театр в России в эпоху Отечественной войны. СПб., 1812. С. 63.— 80.

³⁰ См.: Из журнала А. В. Каратыгина // *Русская старина*. 1880. Кн. 3. С. 264.

театральной критики.³¹ Возлюбленная Бонапарта, приглашенная по его рекомендации Александром I, Жорж была для русских театралов не просто выдающейся актрисой, но представительницей культуры, взаимодействие с которой (как притяжение, так и отталкивание) стало едва ли не важнейшим фактором формирования национального самосознания россиян в период Отечественной войны 1812 г. Творческое соревнование Жорж с ее ровесницей Е. С. Семеновой (актрисы исполняли одновременно одни и те же роли) стало ярким эпизодом этого процесса.

Известно, что исполнение Семеновой роли Аменаиды в трагедии Вольтера «Танкред», переведенной Н. И. Гнедичем специально для своей ученицы, было воспринято русскими театралами как полная победа над заезжей знаменитостью.³²

Очевидно, что русский театр в 1808—1812 гг. нуждался в удовлетворительном переводе «Федры», дабы Семенова могла выступить в роли, прославившей целую плеяду французских актрис XVII—XVIII вв. Перевод Анастасевича был признан неудачным вскоре после выхода в свет.³³ Переводы Державина и А. М. Пушкина, видимо, оказались также неудовлетворительными и не подходили для исполнения на сцене. Вероятно, в указанный период Гнедич тоже работал над переводом «Федры». Как уже указано выше, в архиве Державина сохранился автограф Гнедича, содержащий перевод рассказа Терамена. Однако работа над полным переводом по неизвестным причинам не получила своего завершения. Возможно, сама Семенова еще не чувствовала себя готовой к этой одной из сложнейших ролей мирового репертуара, что было понятно также ее наставнику.

В 1812 г. Жорж покинула Россию, но проблема удовлетворительного перевода «Федры» на русский язык, равно как и желание видеть Семенову в главной роли этой трагедии, не утратили своей актуальности. Действительно, исполнение роли Федры стало триумфальным завершением театральной карьеры великой русской актрисы.³⁴ Дебют Семеновой в роли Федры состоялся 9 ноября 1823 г. Трагедия шла в переводе М. Е. Лобанова. Перевод получил преувеличенно восторженную оценку О. М. Сомова в статье, которая одновременно

---

³¹ См.: [Жуковский В. А.]. Девица Жорж в Расиновой «Федре» // Вестник Европы. 1809. Ч. 48. № 22. С. 156—171; Жуковский В. А. Эстетика и критика. М., 1985. С. 231—242.

³² См.: Медведева И. Н. Екатерина Семенова. Жизнь и творчество трагической актрисы. М., 1964. С. 109—119; Беньяш Р. М. Катерина Семенова. Л., 1987. С. 94—98, 111—112.

³³ См. его критический разбор: Любитель словесности. 1806. Ч. 2. № 5. С. 160—176.

³⁴ См.: Медведева И. Н. Екатерина Семенова... С. 222—223; Беньяш Р. М. Катерина Семенова... С. 195—201.

была панегириком Семеновой.³⁵ После публикации работа Лобанова была подвергнута резкой критике С. Т. Аксаковым.³⁶ А. С. Пушкин собирался писать на него критику.³⁷ Хотя перевод Лобанова действительно далек от совершенства, именно его стихи произносила Семенова, восхищая русскую публику, вплоть до своего исполнения роли Федры 29 ноября 1826 г., ставшего последним выходом актрисы на сцену в этой роли. Показательно, что вокруг 1823 г. группируется целая серия переводов «Федры» и отрывков из нее. Среди них — анонимный (1821), А. И. Писарева (1822, не опубликован), Г. А. Окулова (1824) и И. Б. Чеславского (1827), начавшего публиковать отрывки своей работы в 1820 г.,³⁸ а также П. А. Катенина и Ф. И. Тютчева, — оба перевели в 1820-е гг. рассказ Терамена.³⁹ Таким образом, переводная множественность трагедий Расина и особое внимание переводчиков к его «Федре» в начале XIX в. в России не только отвечали внутренним потребностям развития отечественной словесности, но и служили также удовлетворению насущных нужд современного русского театра.

Как уже было отмечено выше, державинский перевод «Федры» относится к числу полных, но опубликованных лишь частично. Рукопись полного перевода, а также материалов, позволяющих проследить несколько этапов работы над ним, хранятся в РО ИРЛИ.⁴⁰

Для объективной характеристики работы поэта над переводом было бы необходимо прежде всего выяснить, каким образом соотносится текст перевода с подстрочником, выполненным Е. Н. Львовой. Нужно знать, насколько точно переложила она трагедию Расина, каким изданием пользовалась.⁴¹ В настоящее время местонахождение и судьба перевода Львовой неизвестны. Поэтому сейчас ответственность за все грубые ошибки, которыми изобилует перевод Державина, ложится на него одного.

Особенно существенны ошибки при передаче географических названий и имен собственных. Так, например, в строке Расина:

---

³⁵ См.: Сын Отечества. 1823. Ч. 89. № 46. С. 242—260.

³⁶ См.: [Аксаков С. Т.]. Письмо к редактору Вестника Европы // Вестник Европы. 1824. № 1. С. 40—53.

³⁷ См.: Пушкин А. С. Полн. собр. соч. Т. 13. С. 86.

³⁸ См.: Благонамеренный. 1820. Ч. 11. № 17. С. 316—323.

³⁹ См.: Катенин П. А. Избранные произведения. М.; Л., 1965. С. 645—646; Тютчев Ф. И. Полн. собр. стихотворений. Л., 1987. С. 99—101.

⁴⁰ Краткое описание их см.: Дёмин А. О. Корпус драматических сочинений Г. Р. Державина: издания и рукописи // Ежегодник Рукописного отдела Пушкинского Дома на 1998—1999 год. СПб., 2003. С. 14—16.

⁴¹ В 1809 г. в России уже могло быть известно прекрасное издание: *Œuvres de Jean Racine, avec des commentaires par J. L. Geoffroy*. Paris, 1808. Четвертый том его (Р. 429—631) содержит «Федру» с обширным и качественным справочным аппаратом.

J'ai visité L'Elide, et laissant le Ténare...
(749)⁴²

«Elide» переведено как «Эллада»:

Элладу посетя, проехал я Тенар...
(Л. 2)⁴³

Родовое имя потомков Палланта — Арикии и ее братьев «Pallantides» — в державинском переводе оказывается «Паламиды» (Л. 3), сам Паллант назван «Филантом» (Л. 10 об.). «Pégibée», имя одной из возлюбленных Тезея, передано как «Еривия», что даже с учетом новогреческого произношения не соответствует подлиннику.

Смысл ряда мест перевода находится в вопиющем противоречии со смыслом подлинника. Например, строки:

Коль Антиопа бы на свете не была
И целомудру страсть в Тезес не возжгла?
(Л. 4 об.)

по смыслу прямо противоположны расиновым. В оригинале Терамен рассуждает о том, где был бы Ипполит, если бы его мать, амазонка Антиопа, всегда противилась бы законам Венеры и не воспыкала бы стыдливой страстью к Тезею:

Vous-même où seriez-vous, vous qui la (Vénus. — A. D.) combattez,
Si toujours Antiope à ses lois opposée,
D'une pudique ardeur n'eût brûlé pour Thésée?
(P. 752)

Еще бóльшая неточность содержится в стихах:

В Трезен того врага Тезей с собою сам
Опять привез, кого я столько изгоняла.
(Л. 9 об.)

В действительности же Федра сама была привезена Тезеем в Трезен, куда прежде прибыл изгнанный по ее настоянию из Афин Ипполит:

Par mon époux lui-même à Trézène amenée
J'ai revu l'ennemi que j'avais éloigné.
(P. 758)

---

⁴² Здесь и далее «Федра» Расина цитируется по изданию: *Racine J. Œuvres complètes*. Paris, 1950. Vol. 1. Théâtre. Poésies. С указанием страниц в тексте.

⁴³ Здесь и далее перевод Державина цитируется по первой из находящихся в единице хранения тетрадей (Л. 1—43), содержащей наиболее поздний вариант текста. Правка Державина, присутствующая в этом тексте, вносится без дополнительных оговорок. Орфография и пунктуация унифицированы по современным правилам.

Ипполит Державина отказывается от борьбы за афинский престол, считавшийся свободным после ложной вести о смерти Тезея, поскольку является соперником своего сводного брата, сына Федры:

Но если б не был мне соперником мой брат,
Знал, государыня (Арикия. — А. Д.), наследственны как трона
Права мне защищать от буйного закона.

(Л. 14 об.)

Ипполит Расина, напротив, готов бороться за престол с малолетним братом и желает уступить его только Арикии:

Mais si pour concurrent je n'avais que mon frère,
Madame, j'ai sur lui de véritables droits
Que je saurais sauver du caprice des lois.

(P. 765)

В данном случае переводчиком, работавшим с французским текстом, была неверно понята выделительная конструкция «*n'avoir que*», что стало причиной искажения исходного смысла. И наконец, фраза переводчика:

Народ приял вождей предложенный совет...

(Л. 20)

прямо противоположна по смыслу соответствующей фразе автора:

Ses chefs ont pris les voix de toutes les tribus...

(P. 772)

У Расина народ высказался сам, а не принял совет от вождей.

Характер ошибок в приведенных примерах указывает на то, что они могли быть сделаны либо в результате сознательного искажения переводчиком смысла оригинала, что мало вероятно, либо по причине недостаточного владения французским языком и, следовательно, их можно отнести на счет составительницы подстрочника Е. Н. Львовой.

Помимо приведенных примеров грубых ошибок против смысла оригинала текст Державина содержит немало стихов, лишь приблизительно передающих содержание подлинника, не говоря уже о его стиле. Например, строка:

Je ne me souviens plus des leçons de Neptune...

(P. 767)

передана совершенно произвольно:

Слаб вожжи бога волн напрячь его возница...

(Л. 15 об.)

Из-за весьма далекой ассоциативной связи с оригиналом чрезвычайно темен стих, в котором Терамен сообщает Тезею о гибели Ипполита:

Излишне попеченье,
Горячность поздняя, твой кончил сын теченье.
(Л. 38)

Ср. у Расина:

O soins tardif et superflus!
Inutile tendresse! Hippolyte n'est plus.
(Р. 798)

Приведенных примеров, кажется, достаточно, чтобы подтвердить самые неблагоприятные отзывы современников о державинском переводе «Федры». Если бы Г. А. Гуковский был знаком с ним в полном объеме, то, конечно, отказался бы от предположения о его редкостной точности.⁴⁴

Итак, перед нами — очередная неудача Державина на поприще драматической поэзии, на этот раз в области перевода. Принявшись за переложение одного из самых сложных для передачи на другом языке произведений мировой художественной литературы, поэт споткнулся уже о некачественный подстрочник и превратил шедевр французского поэтического гения в грудку неповоротливых и неблагозвучных виршей. Будто написал еще одну из своих злосчастных трагедий, из которых не то что ставить, а и печатать, как утверждал С. Т. Аксаков, не следовало бы ни строчки.

Действительно, перевод «Федры» несет на себе слишком явный отпечаток трагедийной стилистики Державина. Сделанный в 1809 г., в пору создания «Евпраксии» и «Темного», через два года после «Ирода и Мариамны», он может быть рассмотрен в контексте оригинальной державинской драматургии и прежде всего на фоне затрудненной, сложной для понимания речи его персонажей. Многие фразы перевода даже требуют синтаксического разбора и лексического комментария для верного понимания, как например следующая реплика Ипполита к Тезею:

Позволь же попещись о славе ты мой,
И коль чудовище где от руки твоей
Спаслось, вели, и вмиг линовище⁴⁵ прострется
К стопам твоим его иль в веки пронсется

⁴⁴ См.: Racine en Russie... Р. 92.

⁴⁵ «Линовище ср. кожаца змеи или насскогого, скинутая на смену; выползина, выползушка». См.: Даль В. И. Толковый словарь живого великорусского языка. М., 1905. Т. 2. Стлб. 654.

О смерти слух мой, что подвигом таким
Стал благородным я тебе достойный сын.

(Л. 25)

Трудно найти образец стиля, менее соответствующего представлениям о языке Расина, ясном, точном, исполненном гармонии и легкости, чем эта фраза, живо напоминающая о языковых воззрениях самых радикальных участников Беседы любителей русского слова.

Отмечая многочисленные смысловые и стилистические расхождения державинского перевода «Федры» с оригиналом, следует, однако, помнить, что поэт работал над ним в 1809 г., т. е. тогда, когда В. А. Жуковский, наиболее значительный русский переводчик-романтик, формулировал в своих статьях «О басне и баснях Крылова» и «Радамист и Зенобия» принципы романтического перевода.⁴⁶ Как отмечал Ю. Д. Левин, «для Жуковского поэтический перевод был равнозначен оригинальному творчеству. Переводить поэтическое произведение означало для него создавать произведение, неотъемлемо принадлежащее родной литературе. Именно так он рассматривал прежде всего собственную переводческую деятельность. Такое воззрение отвечало и романтическому методу перевода, и запросам русской литературы, и, наконец, индивидуальным особенностям его поэтического дарования».⁴⁷ Романтический стихотворный перевод — это форма присвоения иноязычного художественного произведения; пересоздание его средствами родного языка, предполагающее высокую степень субъективизма и творческого соперничества переводчика с переводимым автором.

Внимательное чтение державинского перевода «Федры» убеждает, что установка «певца Фелицы» была не столько на точность, сколько на деятельное пересоздание мыслей и образов Расина средствами собственного поэтического языка. Говоря словами Жуковского, Державин пытался быть соперником французского трагика, а не его рабом. Нередко он создает собственный образ, весьма отдаленно напоминающий тот, что находится в соответствующем месте оригинала, и связанный с ним довольно сложной ассоциативной связью. Так, например, совершенно нейтральная в образном отношении строка Расина:

Où l'on voit l'Achéron se perdre chez les morts.

(Р. 749)

---

⁴⁶ См.: Жуковский В. А. Эстетика и критика. М., 1985. С. 181—196, 255—264, 389—391, 397—398.

⁴⁷ См.: Ранние романтические веяния: Из истории международных связей русской литературы. Л., 1972. С. 224.

превращается под пером Державина в миниатюрную, но оттого не менее величественную картину водопада, образа столь значимого в его поэтической системе:

Где Ахерон падет в тьму ада с шумом рея.
(Л. 2)

Отчаянные возгласы Федры трижды переданы с помощью расудительных сентенций. Ср.:

D'un incurable amour impuissante remède!
(P. 758)

Но тщетны врачесвы все на любовны раны!
(Л. 9)

Vaines précautions! Cruelle destinée!
(P. 758)

Но тщетно берещись, коль рок враждебен нам!
(Л. 9 об.)

Faibles projets d'un cœur, trop plein de ce qu'il aime!
(P. 772)

Но, ах! слаб ум, где страсть желает сердцу льстить!
(Л. 19 об.)

Последняя сентенция в наименьшей степени передает смысл восклицания из оригинала. Однако и при достаточно близком следовании смыслу оригинала Державин остается верен своему стилю, резкому и энергичному, заставляя Федру говорить в сцене признания Ипполиту следующие слова:

Несчастной целью гроз небесных рождена,
Мерзее я себе, чем я тебе гнусна.
(Л. 19)

Ср. у Расина:

Objet infortuné des vengeances célestes,
Je m'abhorre encor plus que tu ne me détestes.
(P. 771)

Державин идет еще дальше и вводит в текст перевода фрагменты, расширяющие его по сравнению с оригиналом. Например, в рассказе Терамена Державину, похоже, показалась недостаточной

картина состояния Исмены, приводящей в чувство Арикию, сраженную горем при виде мертвого Ипполита. Поэт значительно дополнил скучные строки Расина:

Ismène est auprès d'elle; Ismène,
toute en pleurs,
La rappelle à la vie, ou
plutôt aux douleurs.

(Р. 801)

Исмена близь ес, то дланй воздевая,
То с воплем на главе своей власы
терзая,
Предавшись горести, отчаянью,
слезам,
Мнит к жизни возвратить,
иль вновь ее к скорбям.

(Л. 40 --40 об.)

Особенно значительны дополнения, внесенные Державиным в сцену признания Федры Ипполиту. Все они сосредоточены в заключительной части сцены (от слов Федры: «Ah! cruel...»). Расширено начало реплики. Ср.:

Ah! cruel, tu m'as trop entendue.
Je t'en ai dit assez pour te tirer
d'erreur.
Hé bien! connais donc Phèdre en
toute sa fureur.
J'aime...

(Р. 771)

Жестокий! нет, меня ты понимаешь.
Довольно я рекла, всю скромность
погубя,
Из заблуждения чтоб вывести тебя.
Но, коль не понял ты, зри Федры
вспламененье,
Безумное мое познай души вол-
ненье, —
Люблю...

(Л. 19)

Следующий фрагмент, дополненный Державиным, содержит утверждение о невольном характере сделанного признания. Переводчик усиливает мотив материнской заботы Федры о ее сыне, старается подчеркнуть значимость предлога обращения царицы к юному князю и дает более подробную характеристику ее эмоционального состояния, подчеркивает душевное смятение, обусловившее незаметный переход от мольбы о заступничестве к любовному признанию. Ср.:

Que dis-je? cet aveu que je viens de
te faire,
Cet aveu si honteux, le crois-tu
volontaire?
Tremblante pour un fils que je n'osais
trahir,
Je te venais prier de ne le point haïr.

(Р. 772)

Но что я говорю, признание сие
Позорно столь, не мни, чтоб истин-
но мое
Желанье было, нет; но, скорбью
удрученна,
В беспамятстве почти, слезами
омоченна,
Во трепете забыв величия мечту,
Пришла к тебе про-
сить за сына сироту,

По долгу матери, чтоб ты оставил
мщенья
Иль вящего на нас не
устремил гоненья.

(Л. 19 об.)

Третье расширение монолога Державин вводит в его заключительной части, где Федра требует у Ипполита меч, желая заколоться. Ср.:

Au défaut de ton bras,
prête-moi ton épée,

Donne.

(Р. 772)

Меча мной твоего страшишься
обагрить,
Подай сюды его, чтоб я употребила,
Над Федрою сама казнь Федра со-
вершила,
Поддай.

(Л. 19 об.—20)

По причинам, которые еще предстоит выяснить, Державин, видимо, придавал особое значение сцене признания Федры. В бумагах, относящихся к переводу трагедии, находятся четыре отдельно вложенных листа (л. 141—144), где рукою поэта выписан один из вариантов пятого явления второго действия, включающий эту сцену.

Однако наибольший интерес, наверное, представляют два вставленных фрагмента, позволяющих с уверенностью определить, каким образом Державин толковал отношения Федры и Эноны и отчасти образ обеих персонажей. Энона Державина, убеждая Федру в необходимости оклеветать Ипполита, употребляет аргумент, отсутствующий у Расина. По словам кормилицы, если Федра умрет, не обвинив князя, то он не только будет всем рассказывать о ее позоре (что соответствует оригиналу), но и многое прибавлять к тому, что видел и слышал (и это — добавление переводчика). Ср.:

A votre accusateur que pourrai-je
répondre?
Je serai devant lui trop facile à
confondre.
De son triomphe affreux je le verrai
jouir,
Et conter votre honte à
qui voudra l'ouïr.

(Р. 778)

Что обвинителю сказать тут будет
можно?
В смятении, в трепете безмолвство-
вать лишь должно
И зреть, как торжеством себя он
насладит,
Кто лишь захочет знать, всем твой
расскажет стыд,
*И многое к тому он может и при-
бавить,
Чтоб больше огорчить
тебя и обесславить.*

(Л. 24)

В заключительной сцене четвертого действия, в тираде Федры, обличающей льстецов, Державин также добавляет два стиха, усиленная мысль французского поэта:

Et puisse ton supplice à jamais
effrayer
Tous ceux qui, comme toi, par de
lâches adresses,
Des princes malheureux nourrissent
les faiblesses,
Les poussant au penchant où leur
cœur est enclin,
Et leur osent du crime
aplanir le chemin.

Détestables flatteurs, présent le plus
funeste
Que puisse faire aux rois
la colère céleste.

(Р. 792)

И праведная казнь да всех тех
ушрашит,
Которые, как ты, чрез низки угож-
денье,
Питают царские несчастны во-
жделенья
И клонят к безднам их, к которым
уж идут,
Уравнивая им приятностями путь,
*Чтоб пользы их сберечь, свое при
них отличье,*
*Не зря, что тем губят их славу и
величье.*

О гнусные льстецы! вы вредный
дар царей,
Что небеса дают им в ярости своей.

(Л. 33 об.—34)

Характер внесенных дополнений не оставляет сомнений в том, что Державин помещал отношения Федры и Эноны в систему собственных трагедийных сюжетов о взаимоотношениях министров и государей. Потворствуя незаконному влечению Федры, Энона заводит свою госпожу в глубины преступления и толкает ее к позорной гибели; оклеветав Ипполита перед Тезеем, она губит невинного героя и провоцирует отца на убийство сына, бесславящее его, друга и наследника Геракла. Приведенные примеры из перевода показывают, что Державин стремился еще больше подчеркнуть низость побуждений, движущих Эноной, и даже бросить ей упрек в своекорыстии, которого она совершенно лишена в оригинале, что и определяет трагизм ее судьбы в пьесе Расина.

Державин, как кажется, соотносил образ Эноны с образами неправедных вельмож из своих трагедий. Таков Соверн в «Ироде и Мариамне» — трус, сплетник и интриган: пытается спасти собственную жизнь от гнева Ирода, он губит Мариамну и ее детей, вверенных ему на воспитание. Таков Бурундай в «Евпраксии», разжигающий страсть Батыя к русской княгине. Таков Шига в «Темном», потворствующий необузданным порывам и злодеяниям Шемяки. Таков, наконец, Аман в «Эсфири», лживыми наветами подстрекающий Ассура к истреблению праведников.

Образы Федры и Тезея в свою очередь могут быть соотнесены с образами правителей в трагедиях Державина, страдающих от собственных страстей и от преступлений неправедных вельмож. Показательна реплика Федры, чьего малолетнего сына Афины признали наследником Тезея в ответ на призыв управлять госу-

дарством от его имени. Поглощенная страстью к Ипполиту, царица говорит:

Мне царствовать, мне вам законы подавать,
Когда не возмогу собою управлять?
Когда души моей страстями не обладаю,
Под бременем стыда когда едва дышаю
И умираю я!

(Л. 21 об.)

Многочисленными примерами можно подтвердить, сколь важно было для Державина «владение страстями» в характеристике идеального правителя.

Итак, державинский перевод «Федры» Ж. Расина является не только фактом истории освоения русской словесностью и театром начала XIX в. наследия великого французского трагика, но также органически входит в систему творчества «отца русских поэтов». Имея перед собой лишь, по-видимому, не слишком удачный подстрочник, Державин активно пересоздает стиль французского оригинала, фактически переписывает «Федру» для архаистов. Кардинальная стилистическая трансформация вкупе с изменениями и дополнениями, вносимыми при переводе, влекут за собой существенные смысловые сдвиги, максимально приближая перевод трагедии Расина к оригинальному творчеству Державина-драматурга и лирика. По замечанию Н. Д. Кочетковой, Державин, критиковавший «Эдипа» В. А. Озерова, сам не написал трагедии на античный сюжет.⁴⁸ Думается, что перевод «Федры» занимает место такой трагедии в творчестве Державина.

М. Г. Альтшуллер определил метод Державина-трагика как преромантический.⁴⁹ Возможно, что более углубленное изучение русской переводной литературы рубежа XVIII—XIX вв. позволит исследователям выделить и описать преромантический метод перевода, что сделает возможным толкование в целом неудачной попытки Державина соперничать с Расином, как одного из характерных эпизодов истории русской преромантической и ранней романтической переводной русской литературы.

---

⁴⁸ См.: История русской драматургии. XVII—первая половина XIX в. Л., 1982. С. 212.

⁴⁹ См.: Альтшуллер М. Г. «Ирод и Мариамна» Гавриила Державина: (К вопросу о формировании русской преромантической драмы) // Гавриила Державин (1743—1816): Сб. статей и материалов. Норвич; Вермонт, 1995. С. 224—233.